

A photograph of a person's feet standing on a blue mosaic tile pool deck. The feet are positioned in the lower center of the frame, with black nail polish on the toes. The background is a vast expanse of blue mosaic tiles, reflecting light and creating a shimmering effect. The overall color palette is dominated by various shades of blue.

Ирина Курамшина

ОХОТА НА КРАСИВУЮ ЖИЗНЬ

Ирина Курамшина

Охота на красивую жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29417272

SelfPub; 2018

Аннотация

В погоне за красивой жизнью любые способы хороши. Героини то и дело попадают в нелепые ситуации, веселые и невероятные, грустные и порой драматичные. Но, двигаясь к намеченной цели, ввязываясь в авантюрные приключения, Люба с Катей не сомневаются – впереди ждет заветная мечта. На обложке фото из личного архива автора.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Глава 1

Кабинет шефа был мрачен. Серые стены, давно не видевшие ремонта, зрительно уменьшали комнату до размеров склепа. Грязные, заляпанные птичьим пометом окна вызывали брезгливость. Пыльные буро-малиновые шторы отвисли и бугрились неопрятной массой на полу, вызывая зуд по всему телу у любого, кто останавливал на них взгляд. Рассохшийся паркет отзывался на каждый шаг животным воплем. И конечно же, венец социалистического офисного творчества – сейф, металлический шедевр таких устрашающих размеров, что теряла всякий смысл значимость других «ископаемых». На его фоне даже громадный стол, с непременным атрибутом – зеленым сукном в обрамлении истертого дуба и с пузатыми ножками наростопырку, не производил должного эффекта.

В нашей конторе все почему-то боятся именно габаритного уroda о четырех углах. Его мало кто видел, но наслышаны были многие. По неизвестной причине шеф в свой кабинет не пускает даже уборщиц. Поговаривали о тайниках, о миллионных кладах, спрятанных либо в железных недрах, либо под паркетом или за батареей центрального отопления. Неутомимые сплетницы судачили о странном поведении начальника. Ходили слухи, что в сейфе у Храмова хранятся не

только важные документы, но и скелеты съеденных им заживо сотрудников.

Ведь как бывало: сидит себе сотрудник на рабочем месте, трудится на благо родной организации, перекладывает бумажки с одного края стола на другой, болтает по телефону целый день, играет в морской бой с соседом или раскладывает на компьютере пасьянс. И вдруг: бах! дзынь! трень! Местный звонок от шефа: «Зайдите!» И тон резкий, неприятный. У нас обычно в таких случаях народ прощаться начинает. Представляете, наверно. Это как в фильмах, когда солдата на фронт провожают: бабы плачут, мужики стоят с серьезными, скорбными лицами и сурово молчат. Детишек, снующих под ногами, только не хватает. Но их у нас очень даже неплохо заменяет местный кот: он как-то особо чувствителен к подобным ситуациям – выть начинает. Да так громко и душераздирающе вопит, что уходящий «по срочному вызову» сразу с собой сумку собирает со всеми дорогими сердцу реликвиями: фотографиями любимых, родных и близких, которыми у сотрудников заставлены столы и завешаны стены; кружками и чашками, подаренными друг другу на праздники. Женщины выгребают из недр ящиков письменных столов горы косметики и всякого ненужного хлама. Некоторые идущие на ковер прихватывают любимые дыроколы и степлеры, с которыми они сроднились за время работы. А один товарищ умудрился умыкнуть три пачки бумаги. И все отчего, спросите? А очень просто. После посещения кабинета Храмова

еще ни один сотрудник не возвращался назад. Заметьте, без права выбора. Только «до» и «после». «До» он еще оставался членом коллектива, именовался коллегой, а «после» переходил в разряд бывших работников. Вот и не верь разговорам о скелетах...

Я уже минут пятнадцать сидела напротив шефа посредине комнаты на жестком металлическом стуле метрах в трех от знаменитого ящика, стараясь не смотреть в сторону металлоконструкции. Начальник был занят чрезвычайно интересным делом – перелистывал странички моего досье. Мне же нестерпимо хотелось заглянуть за его спину: в голове прочно засела мысль о плесени на плинтусах в углу. Я даже вытянула шею и привстала со стула.

– Сидеть! – рявкнул шеф.

У меня от неожиданного окрика выпала сумка из рук, и все ее содержимое покатилося по полу.

Я с ужасом смотрела, как губная помада стукнулась о ботинок Храмова. Он ловко нагнулся, поднял ее, включил лампу, поднес тюбик к свету и громко прочитал:

– «Эсте Лаудер». Хм... – шеф с интересом уставился на меня и вдруг изрек фразу, которую я никак не ожидала от него услышать: – Это одна шестнадцатая вашего заработка. Ведь так?

Вот это новость! Храмов знаком с нехитрым набором женских сумок! Да еще разбирается в ценах на косметическую продукцию! Может, он еще и мужчина, а не просто на-

чальник? Кто бы мог подумать! Я тоже с не меньшим энтузиазмом обратила взор на руководителя. Но отвечать повременила, решив посмотреть, как будут развиваться события дальше. Шеф и вправду оказался похож на среднестатистического мужчину. Раньше-то я его только из зала видела, когда он собрания проводил. Поэтому особо не разглядывала, там я обычно слушала музыку через наушники или подремывала. А сейчас мне было совершенно нечего делать, рабочий день все равно еще не закончился, почему бы и не посмотреть на вполне приятного представителя противоположного пола. Пусть и сердитого, но очень даже смахивающего на образцы героев бульварных романов.

Вот только обстановка не соответствовала его внешности. А внешность, скажу вам, стоила того, чтобы ее описать. Шеф, по моим приблизительным оценкам, тянул лет на сорок пять – сорок восемь, он был подтянут, довольно строен, широк в плечах. Чувствовалось, что посещает спортзал, в крайнем случае по утрам делает зарядку. Крупный нос Храмова поражал изяществом – без горбинок, почти классический. Голову шефа украшала пышная, слегка седеющая шевелюра, нетрадиционно уложенная на левую сторону с ровным пробором. А вот волевой подбородок выпирал несколько дальше, чем следовало, но это не портило облик моего начальника в целом. Портили глаза. Они напоминали электродрель в рабочем состоянии. Храмов не мигая, с укором смотрел на меня в упор. И буравил, буравил взглядом. Он

ждал ответа. Всем своим видом показывал, что от этого ответа что-то зависит. Я почему-то начала оглядываться по сторонам в поисках яркой лампы для пыток, и в поле зрения невольно попал сейф. Но не виновата же я, в самом деле, что легенды – дело очень серьезное и сильно влияющее на восприимчивую психику. А уж моя психика о-го-го какая восприимчивая, да и с фантазиями частенько перебор случается. Только повод дай – сразу такого напридумывается. Вот и в этом конкретном случае подсознание вывалило на передний план дергающийся в конвульсиях скелетик последнего из бывших коллег, ушедшего на этот самый «ковер» с хрустящего паркета. Я непроизвольно поежилась.

– Ну? – прорычал вновь Храмов. – Не слышу ответ.

– Одна двадцатая, – я скромно потупила глаза. О! Это я умею – долгие годы тренировок. – На распродаже покупала, да еще скидочный талон имею, потому помада и досталась очень дешево. Там до тридцать первого числа скидки. Сказать, где покупала?

Выпала скороговоркой и сильно удивилась – не ожидала от себя такой наглости. И вообще – меня увольнять собираются, а я тайны выдаю за просто так. Нет. Накось выкуси, господин Храмов, не скажу даже под пытками адрес любимого магазина.

– Я смотрю, вы в средствах не стеснены, – Храмов начал издали, снова принявшись мусолить страницы моего инвентаризационного дела, почему-то под номером 333.

Я мысленно перекрестилась – хорошо хоть не ббб.

– Тэкс-с... – послунывил палец мой собеседник, перевернул страницу и продолжил: – Мужа нет, ребеночек на руках несовершеннолетний.

При этих его словах меня разобрал смех. Представила дочку, завернутую в пеленки и сосущую мою грудь, а она, между прочим, метр восемьдесят в свои неполные пятнадцать лет. Картинка была до того явственной, что я почувствовала, как прибывает молоко в левой груди. Сразу стало жарко, вспомнился молокоотсос, которым пользовалась, когда Катька отказалась от родного материнского молока, полюбив до одури сухие молочные смеси. Пришлось достать веер, что на всякий случай всегда ношу с собой, и произвести несколько изящных взмахов для прихода в норму.

– Я понимаю, что по законодательству уволить мать-одиночку не могу, но обстоятельства превыше меня. У нас намечается сокращение. И в первую очередь будет сокращена ваша должность. Поэтому предлагаю написать заявление по собственному желанию. До того, как начнется сокращение.

– Еще чего?! – до меня моментально дошло, что я имею неоспоримые преимущества перед другими сотрудниками. Что стану первым человеком, вернувшимся оттуда, откуда пока, во всяком случае до меня, никто не возвращался.

Эта мысль грела сердце, радовала перспективами внимания со стороны одного холостого мужчины из соседнего отдела, который мне давно нравился, но я не знала, как к нему

подкатить. Теперь представлялась небывалая возможность. Ведь стану героем, а на героев обязательно обращают внимание.

Преисполненная радужных надежд, я весомо добавила оторопевшему шефу:

– Если честно, я не собираюсь увольняться. Даже мысленно. Меня вполне устраивает работа, заработок, правда, не совсем... но потерплю. Так и быть. До сокращения. А иначе на бирже труда не зарегистрируют. Вы же сами сказали: мать-одиночка... На что мне с дочкой жить без пособия? Уж извините, но никаких заявлений я писать не буду.

Театрально разведенные руки – в стороны ладонями к оппоненту, как учили на тренинге по межличностным взаимоотношениям, на который я как-то случайно попала по дурной наследственности к любопытству, – закрепили нужный эффект.

– Значит, отказываетесь? – шеф набычился, его шея вмиг покраснела от натуги, а лицо местами даже стало синим.

– Ага, – простодушно ответила я и поднялась со стула, заставив паркет «мяукнуть», и невинно добавила: – Могу идти?

Храмов оторопело смотрел на набравшуюся наглости подчиненную, не в силах что-либо сказать. Видимо, и он впервые столкнулся с подобной ситуацией и с непривычки не мог найти нужных аргументов для дальнейшей беседы.

А я расхрабрилась до такой степени, что подошла к его

столу и забрала помаду. При этом мне удалось-таки заглянуть за спину шефа. Никакой грибковой живности на плитках я не заметила. Сей факт очень огорчил. В подавленном, но показушно-веселом состоянии я покидала Храмова, продолжавшего молчаливо рассматривать теперь уже стол, а вернее, жирное пятно на зеленом сукне в том месте, где только что лежала моя помада. Странно... Он неопрыттен или пятну лет сто? Моя косметика таких следов не оставляет...

«Эх, гулять так гулять», – решила я и на прощанье вульгарно вильнула бедрами, чувствуя спиной буравчики шефа. Вдохнула, выдохнула. Шумно хлопнула дверью. Занавес!

Второе отделение спектакля было ошеломляющим. Когда я вернулась в отдел, немая сцена затянулась минут на тридцать. Я успела растолкать по ящикам письменного стола весь свой нехитрый скарб, выпить кофе, сходить в туалет, потом покурить, еще раз выпить кофе, но уже с прикупленными сливками в буфете, куда я завернула по пути. Причем делала все процедуры нарочито медленно, а коллеги все продолжали молчаливо взирать на меня, как на привидение из одноименного фильма с любимыми актерами Деми Мур и Патриком Суэйзи.

Первой не выдержала Мила.

– И как там? – тихо спросила она.

– Сейф действительно жуткий, но скелетов не увидела, – лаконично ответила и уткнулась в компьютер, демонстративно показывая, что работа для меня – превыше всего.

Тут народ загалдел нестройным птичьим разноголосьем, каждый стал выдвигать версии случившегося, одну умнее другой. Я слушала и только посмеивалась про себя. А на душе было что-то грустно и тревожно.

Кошки не просто царапали ее, унылую мою душеньку, они драли в кровь, и этот горячий глинтвейн, с повышенным гемоглобином и перенасыщенный эритроцитами, бурным потоком разливался по венам, кипел и яростно негодовал. Ведь Храмов не оставит надежды уволить меня. Раз решил сократить должность – сократит, найдет поводы. Надо срочно продумать тактику поведения и предугадать начальственные ходы. Я за эту работу особо и не держусь, надоела она до колик, но в наше время устроиться на работу – проблема. Уж пусть хоть эта будет, а то дома я со скуки помру.

А шеф-то быстро смекнул, что живу не по средствам, добываемым трудом в нашей загнивающей конторе. Наверно, выдумал богатого любовника, наследство какое-нибудь нарисовал в воображении. Эх, где бы действительно нарыть скоропостижно скончавшегося богатого родственника с наследством или в крайнем случае здравствующего любовника?.. Так надоело вкалывать. Хочется пожить только для себя, не прилагая к этому никаких усилий. Знал бы Храмов, как тяжело сидеть ночи напролет над текстами, переводя на родной язык примитивно-дурацкие иноземные любовные истории. Я про свою подработку в конторе не распространяюсь – завистников много. Кроме Катьки да единственной за-

кадычной подружки Риты, никто про мою вторую жизнь ничего не знает. Издательство платит не очень много за переводы, зато регулярно. На безбедное существование, конечно, маловато, но на «Эсте Лаудер» вполне хватает. И Катька у меня не ходит оборванкой. И я стараюсь марку держать, одеваясь и обуваясь не в самых паршивых магазинах.

Так и не удовлетворив любопытство беснующихся от неизвестности коллег, я стала строить баррикады из планов борьбы с моим явно надвигающимся увольнением, а заодно прорабатывать отступы, так как знала, что задуманное шефом рано или поздно воплотится в жизнь. Причем в мою жизнь, а это – немаловажно.

Глава 2

Неделя после посещения кабинета шефа прошла на редкость спокойно. Никто меня не дергал, ничего интересного вокруг не происходило. Казалось, что и не было разговора с Храмовым. Я расслабилась и снизила бдительность. Вот тут-то меня и подловили.

Первый выговор с занесением в личное дело я заработала, опоздав на работу всего-то на сорок минут. У нас народ и на большее количество минут опаздывает, некоторые вообще только к обеду являются. И ничего – всем с рук сходит. Мне же припомнили абсолютно все утренние опоздания (стало ясно, что кто-то все-таки стоит с хронометром у входа по утрам, не иначе как кадровик), обеды по два часа, сосчитали все перекуры, телефонные беседы... Было очень неприятно и даже противно, когда начальник отдела кадров заставил поставить подпись на приказе с выговором, да еще при этом целую лекцию прочитал.

Я вновь стала образцом для подражания, приходя и уходя минута в минуту с боем часов ровно в девять утра и шесть вечера. На обеды вообще перестала ходить, демонстрируя усердие. Но Храмов оказался до того злопамятным и педантичным, что закралось сомнение – а не немец ли наш шеф.

Второй выговор с предупреждением не заставил себя

ждать. Теперь-то я понимаю, что ситуация была смоделирована умелой рукой Храмова, а возможно, он сам лично все провернул, не доверяя подчиненным.

Мне по работе иногда приходилось работать с документами, на которых стояла яркая красная штампулька «Секретно». И вот как-то раз после выхода на перекур я недосчиталась одной такой замороченной бумажки. Уходила – она лежала в ящике моего стола, вернулась – нет ее, бесследно растворилась в просторах необъятной конторы, затерялась на одном из девяти этажей. Время было обеденное, все сотрудники дружно удалились в близлежащее кафе, я одна несла вахту в отделе. И отсутствовала-то всего минут пять, но их хватило с излишком, чтобы продолжить начатый террор.

На сей раз «отдел кадров» говорил мало, зато в избытке брызгал ядовитой слюной, так что я потом долго отмывалась в дамской комнате.

Напоследок бюрократ язвительно напомнил, что после трех выговоров следует увольнение по статье. Напугал! А то я не знаю. Может, и правда, ну её к черту, эту работу? Катька скоро школу заканчивает, пойдет работать. А я могу больше переводов брать. Как-нибудь проживем. А вот выговор да еще увольнение по статье... Нет, не надо такого удовольствия Храмову доставлять. Кто его знает, как жизненная колея дальше повернет, а подпорченная репутация в виде нелицеприятной записи в трудовой книжке абсолютно не нужна, и в первую очередь мне самой.

Приняв такое важное, можно сказать, судьбоносное решение, я написала заявление на очередной отпуск, предполагая объявить о своем увольнении уже во время отдыха.

Однако это только человек предполагает. А на небесах почему-то ответы прямо перпендикулярны вопросам. Мои планы неожиданно сорвались – в отпуск не отпустили. «Отдел кадров» долго тряс у меня перед носом графиком отпусков. Будь лето, мне, конечно, было бы приятно постоять в прохладе ветерка от стопки бумажек, представляя, что это вовсе не бумажки, а страусиные перья, кадровик – не просто сотрудник, а двухметровый загорелый, мускулистый негр, в руках которого я не прочь оказаться сразу же после процедуры обмахивания веером. Кстати, про негра – серьезно. Я вовсе не против экзотики. Ритуся говорит, что в жизни нужно испытать все. Правда, не думаю, что негр был бы испытанием. Скорее – удовольствием или приключением. Но чернокожие мачо что-то не торопились перебежать мою дорогу. Да и Ритусину тоже. Зато на мои непроторенные пути вероломно зачастил кадровик – «пинг-понг от Храмова».

Третий мяч, и уже не пробный, а завершающий партию, шеф кинул, даже не выждав для приличия хотя бы трех дней после второго выговора. Видимо, у начальника не очень богато воображение или он не смотрит детективы, но изобретать велосипед Храмов не стал, скопировав почти один в один предыдущий инцидент. Только поменял местами пару сценок. Да зрительский эффект усилил.

Все повторилось с точностью до миллиметра. Опять женский туалет, куда я иногда все же выхожу, опять документы повышенной секретности. Отличие состояло лишь в том, что меня обвинили не в утере, а в краже документов. Вернее, сначала сделали вид, что подозревают всех, и устроили в отделе «шмон». Конечно же, эти треклятые бумажки нашлись в нижнем ящике именно моего письменного стола под упаковкой с женскими прокладками. К средству личной гигиены кадровик прицепился больше всего:

– Бардак развели! Черт знает что хранят в своих столах! – громко кричал «отдел кадров», сотрясая стены с потолком.

Было приятно наблюдать, как известка оседает на его бюрократическом костюме «слегка помятый черный ворон», а искусственная седина скрашивает блестящую лысину.

– Простите, – я постаралась придать голосу металлического звона, лицо сделала строгим и непроницаемым. – Вы не могли бы положить эту вещь на место? – и указала на пакет с прокладками. – Дело в том, что данным предметом я пользуюсь исключительно в интимных целях, и мне не хотелось бы, чтобы к нему, во избежание заразы, прикасались чужие руки. А в чистоте ваших рук, увы, не уверена.

Последние слова я сопроводила ангельски потупленным взором и нездоровым красноватым румянцем (это тоже результат тренировки). Кадровик побледнел, забыв о цели зазаянного мероприятия, его руки заходили ходуном, и он их сунул в карман, безгласно кинув прокладки в ящик. Мужич-

ки из нашего отдела дружно заготовали. Моя ирония про чистоплотность была высоко оценена и пришлась по душе – кадровика ненавидели все поголовно, но открыто выступила только я, чем и подписала себе окончательный приговор, став уязвимой мишенью и врагом «намбэ ту» уже не только Храмова.

Глава 3

Утром следующего рабочего дня «отдел кадров» лично встречал меня у входа в родное учреждение. Я издалека увидела его наполовину лысый череп и поняла, что сегодняшний мой приход на работу – последний.

– Будьте добры ваш пропуск, – не очень вежливо процедил сквозь золотые коронки кадровик.

Я подала закатанный в пластик четырехугольник.

Кадровик сунул его во внутренний карман пиджака и добавил:

– Пройдемте.

– Пятьдесят рублей! – выстрелила ему в спину.

Он остановился, резко обернулся и уставился на меня не моргая.

– Что? Какие пятьдесят рублей? – произнес спустя три минуты.

– За пропуск... – я пожала плечами.

Мыслительный процесс бороздил лоб бюрократа, глаза наливались нездоровым блеском.

– Ваш пропуск (акцент я сделала на слове «ваш», что явно не понравилось майору в отставке, привыкшему в армии к беспрекословному подчинению) стоил мне этой суммы, когда я упаковывала его в пластиковую оболочку для длитель-

ного ношения в недрах моей многострадальной сумки, в которой всегда понапихано слишком много, отчего этот документ мог принять нетоварный вид, что, в свою очередь, очень огорчило бы вахтера дядю Гришу, вас лично или нашего многоуважаемого шефа, если бы...

Кадровик не дал закончить речь. Грубо схватив за руку, потащил меня в свой кабинет, расположенный на первом этаже, недалеко от проходной. Я хотела разыграть представление с криками типа «Помогите, убивают!» или «Спасите, грабят!», но никого из сотрудников в коридоре не увидела. Вовремя у нас никто не приходит. Потому вестибюль сверкал пустотой. Пришлось, как собачонке на привязи, следовать в кабинет к чиновнику. За те пару минут, что мы продвигались по коридору, я успела представить и наручники, которые кадровик достает из ящика письменного стола, и плетку, и даже мини-гильотину, и кучу всяких других прибамбасов для пыток.

– Вы что себе позволяете? – зашипел «отдел кадров», плотно прикрыв от любопытных глаз и длинных ушей дверь своей пыточной камеры. – Выскочка! Дура набитая! Да мы таких в армии!..

– А мы не в армии!

– А жаль.

– А мне нет, потому что на гражданке про таких, как вы, анекдоты слагают. Про тупых, – я глупо хихикнула.

– Молчать! – кадровик, видимо, собрался выйти из себя,

но потом передумал и задержался. Пару раз он клацнул ртом и продолжил уже более миролюбиво: – Вы, – он случайно, а может, и нарочно ткнул пальцем мне в грудь, – уволены.

Я медленно (странно, как раз этому нас на тренинге не учили) застегнула три верхние пуговицы на блузке, показывая кадровику, что мне небезразличны его размахивания руками, что я конкретно к его рукоприкладываниям отношусь совсем не восторженно.

– Вот и славно. Я и сама хотела уволиться.

– Вы уволены по статье.

Этого следовало ожидать, но все равно стало горько и больно, к горлу подкатил комочек спертого озона, я попыталась сглотнуть его, попыталась выдохнуть – безрезультатно. Кадровик заметил и оскалился. Однако воды не предложил. Мужчина, называется. Меня такая злость взяла, что от нее воздух через горло протолкнулся.

Он достал пухлую папку, взял верхний листок, потом водрузил на нос очки и начал декламировать бюрократическую лирику. Получалось у кадровика здорово, он читал с выражением, громко, членораздельно, чеканя каждое слово. И поза была классическая – с вытянутой правой рукой с текстом, загнутой за спину левой рукой и горделивой осанкой римского императора. Не иначе наш «отдел кадров» играл в армейском театре.

Я вслушалась в текст:

– Уволить согласно Трудовому кодексу Российской Феде-

рации по статье №... – далее часть текста я растерянно пропустила. – Без права устройства на работу в пределах института и подведомственных ему организациях, а также у арендаторов, арендующих помещения в институте.

Кадровик закончил читать и теперь стоял с видом победителя, зыря на меня так, чтобы сразу становилось ясно – кто здесь курица, а кто яйцо.

Я тоже молчала, задумчиво разглядывая яйцеобразную голову стоящего напротив мужчины. Я-то догадалась, что курица – это не он, как раз недавно книжку переводила одного известного автора. Он там так хорошо разъяснял про поведение в подобных ситуациях. Потому я переместила свой взгляд ниже, еще ниже, совсем ниже и остановилась где-то в районе коленок кадровика.

– А у вас дыра на коленке намечается, – просто и добродушно, с улыбкой заявила я. – Давайте приказ. Я подпишу. Где? Здесь? Хотя... Деньги сначала за пропуск отдайте, а то потом с вас не стребуешь.

«Отдел кадров» машинально вытащил портмоне и рассчитался со мной сполна. А потом торжественно вручил трудовую книжку. Я ее даже открывать не стала, боялась на глазах у этого зверюги расплакаться.

В бухгалтерии под жалостливые взгляды сотрудниц получила зарплату и компенсацию за так и не использованный отпуск, попыталась пошутить, бросив: «А за моральный ущерб?» – но наткнулась на холод кассирских очей и заткну-

лась.

Глава 4

Путь домой занял почти четыре часа – бесцельно моталась по магазинам, тратя полученные деньги, зашла в кинотеатр, но высидеть смогла лишь двадцать минут, потом попила кофе в какой-то забегаловке и только после этого направила стопы к родным пенатам.

Вечером дома собрался наш постоянный «совет в Филях». Что касается Филей, то тут недалеко от истины. Мы живем именно в Филях – есть такой район в Москве, на западе столицы. Действующие члены совета не меняются уже много лет. Это я, Катька и Рита. Раньше в совете состояла еще одна наша общая подруга – Нина, но она благополучно вышла замуж за иностранца и теперь проживает фантастически благополучно в невероятно благополучной Швейцарии. Мы от Нинки регулярно получаем гуманитарную помощь в виде носильных вещей, потому немного представляем швейцарское благополучие. Она все зовет в гости в свое благополучие, но пока это лишь сказка, кажущаяся раем. Перед каждой зарплатой мы клятвенно обещаем Нинусе приехать и собственными глазами увидеть ее благополучие, однако, скорее всего, придется с этой мечтой расстаться навсегда.

– Тебя надо выдать замуж, – предложила самый простой вариант выхода из создавшейся ситуации подруга. – Причем

срочно, пока деньги не закончились.

Конечно, Рите легко говорить. Она замужем уже пятнадцать лет, со своим благоверным живет душа в душу. Другого варианта существования даже не представляет и вечно стремится выдать меня всеми правдами и неправдами замуж. Уж сколько женихов Рита приводила в наш дом, сколько сил приложила, расхваливая мои способности, – знаем только мы трое, вернее, четверо.

Тут неожиданно взяла слово дочь.

– Рита, – обратилась Катька к моей подруге. Она ее по имени зовет. Так уж у нас издавна заведено. – Ситуация резко поменялась. Мусь не просто безработная, она безработная с «клеймом» в трудовой книжке. Ее даже биржа труда не примет на учет. Вы тут пока чай гоняли, пока маман сопли по клеенке размазывала, я в Интернете полазила, почитала трудовое законодательство и теперь знаю, что устроиться на работу ей будет совсем не просто. Пусть уж лучше по договору трудится в издательстве, а параллельно займемся следующим...

Мы с Ритой рты раскрыли от удивления. Вот это речь! Живет ребенок рядом, растет вроде каждый день по чуть-чуть, а потом оказывается, что он уже не ребенок, а совершенно взрослая, сформировавшаяся личность. Обычно Катька права голоса на совете не имела, ей разрешалось лишь присутствовать, и то всего последние два года. Мы с интересом прислушались к тому, что говорил бывший ребен-

НОК.

– Чтобы найти соответствующего нашим запросам жениха или хотя бы обыкновенного спонсора, нужно соответствующе выглядеть.

Катька оценивающе оглядела меня, пощелкала языком и категорично изрекла:

– Не годится!

– А что во мне не так? Что? – заныла я.

Рита в знак согласия закивала головой.

– Все не так. Шмотки носят совсем другие – раз. Ты стала отставать от моды, ленишься шагать в ногу со временем. Прическа и цвет волос у тебя просто ужас – это два. И еще бледность. Ни в какие ворота она не лезет. Загар – вот что радикально изменит тебя в лучшую сторону. Конечно, в одном флаконе с тренажерами. Три. Про четыре, пять и так далее я говорить не буду, пальцев рук и ног не хватит. Пока надо заняться хотя бы этими тремя пунктами. Остальное – будем дорабатывать по ходу действия. Начнем бороться с твоей бытовой неграмотностью. Кстати, Ри, и тебе советую включить в свой ежедневный распорядок все вышеперечисленное для Любани.

Я смотрела на дочь и удивлялась. Откуда в ней столько нездорового, а может, наоборот – здорового практицизма? Вроде росла она как все дети, ничего специального я не предпринимала, ни в какие навороченные кружки ее не водила, книжек заумных ей на ночь не читала. Кроме кинотеатра,

цирка, планетария да зоопарка мы с Катькой никуда совместно не ходили. Неужели современные дети так ушли в своем развитии, что в пятнадцать лет знают больше нас, взрослых?

– Где ж мы столько денег возьмем на твои радикальные мероприятия?

– Я могу немного подкинуть, – вставила подруга.

Но Катька отмахнулась от нас, как от назойливых мух.

– Не тушуйтесь! Я все продумала.

– ???

– Да. Пока ты тут слезами истекала в гордом состоянии матери-одиночки под Ритины причитания, я работала на наше, заметь, общее будущее благо. Что, думаешь, я в сложившейся ситуации не заинтересованное лицо? Ты ожидала, что твоя дочь сложит на манер ангела ручки и будет ждать маньки небесной?

– Ты-то уж точно на ангела не смахиваешь, Рыжик.

– Отстань, Любаня, я не перекрашусь, эта тема закрыта. А в твоём возрасте можно уже и более классические цвета использовать.

– Ещё блондинкой предложи стать.

На Любаню я не обижаюсь, только приветствую. Дочь с детства зовет меня по имени или придумывает какие-нибудь странные производные от слова «мама». У нас с Катькой вечный спор из-за цвета волос. Дело в том, что я обожаю рыжий цвет и всегда крашу волосы в различные его оттенки. Дочь, повзрослев, тоже начала применять мою любимую гамму. Но

две рыжих в одной квартире – это как два солнца в одном зените. Явный перебор. Вот и ругаюсь я с дочерью по этому поводу. Но пока к консенсусу не пришли.

– Сколько мы имеем в запасе свободно конвертируемой валюты? – продолжила дочь начатый разговор. Вот неугомонная. – Суммы, которую не жалко потратить на светлое будущее?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.